

Лит. Россия, 1985, № 5

Что же это за явление в мировой литературе — Антон Павлович Чехов? Попробуйте своими словами пересказать Чехова, и получатся самые простые, порой даже банальные истории: то о мальчишке, который едет через степь в город, то о пожилом ученом, уставшем от жизни и семейных неурядиц, то о капризной беременной барыньке в день ее именин... Если взять сюжеты его произведений, вы не найдете в них ни трагедийного накала Достоевского, ни философских космических обобщений Тургенева. Но открывается книга — и происходит чудо. Нет, вы не поразитесь острым, захватывающим поворотом в сюжете, круговоротом безумных, разбушевавшихся страстей, особо красочным описанием пейзажа. Проза Чехова подобна долгодействующему духовному наркозу, под влиянием которого читающий ее не чувствует никакой разницы между собой и тем, кто ее писал; настолько все кажется простым и доступным, а закроешь книгу, только и подумаешь: «Да как же это так возможно? Откуда же он меня знает?»

Потрясающий талант Чехова в том-то и заключается, что, когда он говорит о себе, нам кажется, что это про нас. В общении со своими героями он был порою резок и безжалостен, обличающе ироничен, но он никогда не отделял себя от тех, про кого писал. В каждом человеке он видел себя, так же как и в себе, пытался понять и ощутить каждого, оставаясь при этом самим собой.

То, что Чехов написал, и то, как он жил, — это единая, нерасторжимая связь поступков, вытекающих один из другого, и поступки эти, как и сама его жизнь, есть

Сергей
МИХАЛКОВ

Наш Чехов

пример высочайшей честности и гражданственности, нравственности и чистоты.

Каждое слово, услышанное или прочитанное, сказанное или написанное им самим, Чехов проверял камертоном своей редкой индивидуальности, сопоставляя окружающую его действительность с тем неповторимым, ему только присущим взглядом на мир, взглядом великого художника.

В его произведениях нет ни ангелов, ни злодеев, ибо он рассматривал человека в единстве раздирающих его противоречий, пытаясь понять их природу, а поняв — помочь. И еще есть среди писателей великие имена. Застывшими вершинами они обозначают во мгле веков высшие точки в истории мировой литературы той или иной эпохи. Далеким светом, сквозь туман времени, эти величественные вершины манят к себе поколения живущих, но порою так и остаются непокоренными. Гений же Чехова не поддается канонизованию, настолько он близок и доступен каждому.

Все, что он написал — его повести и рассказы, его пьесы, — живет живой полнокровной жизнью, живет вместе с нами и никогда не превратится в застывший литературный памятник. Вот почему у каждого из нас в разные периоды

нашей жизни есть свой Чехов: у одного — Чехов сороковых, у другого — шестидесятых, у третьего — Чехов восьмидесятых. И как часто проходя свой очередной жизненный виток, мы открываем томик Чехова и окунаемся в мир тончайших человеческих связей, в родниковую свежесть мир чистейшего русского языка. Чехов писал о России, о русских, писал с болью и надеждой, писал с любовью, с ненавистью и состраданием. Он знал Россию, его талант возрос на плодотворной почве отечественной национальной культуры, и потому творчество его по-настоящему демократично и поистине интернационально. Оставаясь русским писателем, он понятен и близок народам многих стран. Не счастье языков, на которые переведены его книги, не сосчитать подмоетков в разных концах земного шара, где с успехом играли, играют и будут играть его великие пьесы. К нему давно пришло мировое признание. На далеких Филиппинах открыт недавно музей Чехова.

Он прожил всего сорок четыре года. Он жил так, чтобы никогда не прерывалась та тонкая ниточка, которая связывает воедино то, КАК писатель живет, с тем, ЧТО он пишет, то, КАК он думает, с тем, ЧТО говорит.

В его записной книжке есть такая запись: «Какое наслаждение уважать Человека!». В этой короткой фразе весь Антон Павлович Чехов — не просто классик, а великий русский писатель и гражданин на все времена!

Материалы, посвященные А. П. Чехову, читайте также на 4, 16—18, 24 й страницах.